Битва славная... Ура, Нахимов!

Евгений Васильевич Богданович

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О победе русского флота в Синопском сражении.

- Богданович Евгений Васильевич
  - Прелюдия к Синопу
  - Синоп
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

Богданович Евгений Васильевич
Битва славная… Ура, Нахимов!

Прелюдия к Синопу

4 ноября пароход «Бессарабия» взял без выстрела турецкий транспортный пароход «Медари-Тиджиарет», команда которого показала, что в Синопе стоят 2 фрегата и 2 корвета.

Между тем 5 ноября Корнилов, следуя на пароходе «Владимир» на соединение с Нахимовым, увидел вдали шесть больших судов и принял их за эскадру Нахимова; но тут же, на более близком расстоянии, показался большой неприятельский пароход. Корнилов немедленно пустился за ним в погоню. После четырехчасового преследования «Владимир» нагнал неприятельский пароход, оказавшийся турецко-египетским и называвшийся «Перваз-Бахри» («Морской вьюн»). Он был в 220 сил и вооружен 10 орудиями большого калибра. С начала боя, метким взглядом хладнокровного и опытного моряка, командир Бутаков заметил у «Вьюна» отсутствие кормовой обороны. Быстрым маневром воспользовался он немедленно этим недостатком и — после двухчасового боя, в котором египетский экипаж оказал большую храбрость и нанес русскому пароходу некоторую потерю в людях, причем был убит возле самого Корнилова адъютант его, лейтенант Железнов, «Владимир» не только перебил у неприятеля половину команды, но привел его в беззащитное состояние, убил капитана и принудил спустить флаг.

Это была… победа блистательная, доставшаяся более хладнокровному, более искусному из обоих соперников. «Встреча „Владимира“ с „Перваз-Бахри“, — замечает г. Шестаков, — была первым, может быть единственным сражением между двумя колесными пароходами: ухватившись за дивную силу пара, не замедлили обеспечить ее по возможности от случайностей боя… Итак, честь первого, повторяю, может быть единственного опыта борьбы колесных пароходов выпала на долю русских моряков». Между тем виденные вдали шесть судов исчезли. Они оказались не эскадрою Нахимова, а турецкою эскадрой, и направлялись в Синоп. У Корнилова же недоставало угля; ему надо было сдать и взятый им, сильно поврежденный приз. По необходимости ему пришлось вернуться в Севастополь. «Опасения мои насчет приза были справедливы, — доносил Корнилов князю Меншикову — нам пришлось возиться с ним всю ночь и другой день». Что же касается турецкой эскадры, то она разошлась в море и с эскадрою Новосильского, и с эскадрою Нахимова. С нею встретился пароход «Одесса» (командир Ф. С. Керн). Постоянные бури, мрачная погода с частым дождем в туманом скрывали турок от крейсировавших русских эскадр. Но 8 ноября, среди

разразившейся бури, когда Нахимов был перед Синопом, а Новосильский — у Севастополя, фрегат «Кагул» встретил, против мыса Керемпе, 4 турецкие фрегаты, которые гнались за ним два дня сряду.

За границею не верили победе «Владимира»; напротив, журналисты «привели» его в Константинополь и указывали на русскую реляцию об этом деле как на образец официальной лжи. Что касается стоявшей в Босфоре англо-французской эскадры, то вот в каком виде дошло до нее известие об этой первой русской морской победе: «Крейсирующею по Анатолийскому берегу русскою морского дивизией даже взято уже одно турецкое купеческое судно», — писал по поводу этого дела находившийся на французском адмиральском корабле официальный французский историограф предстоящей воины г. Базанкур…

Между тем три турецкие парохода, о коих Корнилов получил сведение от купцов, благодаря силе пара, успели пройти мимо Нахимова, не имевшего пароходов, добраться до Кавказского берега и выгрузить там боевые припасы. В 12 милях от берега встретили они, 9 ноября, почти при штиле, на высоте укрепления Пицунда, 44-пушечный фрегат «Флора» под командою Скоробогатова, плывшего из Севастополя в Сухум. На сделанный с фрегата опознавательный сигнал неприятель не дал ответа, но, выстроясь в линию и, скрыв огни, взял курс к фрегату, немедленно приготовившемуся к бою. Пароходы направились к носовой части фрегата и открыли пальбу, но он успел уклониться под ветер и не допустить неприятеля поражать его продольным огнем. Вместе с тем с левого борта, повороченного этим маневром к неприятелю, фрегат открыл батальный огонь, продолжавшийся 20 минут. Огонь был так меток, что неприятель прекратил пальбу и отступил из-под выстрелов. Пароходы съехались для совещания, продолжавшегося 10 минут, коими Скоробогатов воспользовался, чтобы заделать пробоину и стать в свое первоначальное положение. Пароходы возобновили атаку по тому же направлению, как в первый раз, и вновь открыли огонь. Фрегат ответил на вторую атаку повторением первого маневра и батального огня с того же левого борта. Огонь продолжался 30 минут. По прошествии их пароходы опять отступили. Таким образом повторяли они свои нападения от 2 до 6 часов пополудни, после чего остались вне выстрелов до рассвета. Фрегат поворотил к берегу.

С рассветом, 10 ноября, пароходы подняли турецкие флаги. На фор-брам-стеньге одного из них показался вице-адмиральский флаг. Все пароходы были трехмачтовые, у двух замечено на борту по 16 пушечных портов. В это время, в 4 милях от берега,

показалась русская шхуна «Дротик», с выкинутыми веслами. Два вражьих парохода понеслись к ней на всех парах; один адмиральский продолжал следовать за «Флорою». Увидя угрожавшую шхуне опасность, Скоробогатов немедленно сообразил, что у него только одно средство спасти товарища: поворотиться бортом к адмиральскому пароходу и открыть по нему усиленный огонь, в надежде принудить остальные два парохода поспешить к нему на помощь. Маневр этот увенчался полным успехом. Погнавшиеся за «Дротиком» пароходы поспешно вернулись к адмиральскому и, стараясь отстоять его, все время держались вместе, что представило Скоробогатову возможность нанести им значительный вред. К 9 часам утра все три парохода отступили, и когда они находились уже вне выстрелов, адмиральский пароход, конечно не иначе как вследствие значительных повреждений, был взят на буксир. У «Флоры» оказалось всего две пробоины. Раненых и убитых не было. Турки вообще стреляли плохо, слишком торопливо, да и метили большею частью в такелаж, имея в виду не только помешать маневрам фрегата, но и вовсе лишить его движения, чтобы легче овладеть им…

Три турецкие парохода постыдно бежали от одного русского парусного фрегата, который за безветрием (у него было всего два узла ходу!) был лишен возможности двигаться с быстротою, необходимою для боя…

Конечно, этим неимоверным успехом «Флора» была обязана хладнокровной распорядительности и мужеству Скоробогатова, храбрости и знанию дела его команды, а также робости и невежеству неприятеля, не умевшего воспользоваться: ни преимуществом пара для одновременной атаки фрегата с разных сторон — чтобы не дать ему одним маневром отделаться от продольных выстрелов всех трех пароходов, — ни огромными бомбическими пушками, коими он мог поражать «Флору», не имевшую орудий более 24-фунтового калибра, оставаясь сам вне ее выстрелов. Понятно, что победа «Флоры» была чрезвычайно приятна самолюбию Черноморского флота, состоявшего из одних парусных судов, при самом незначительном числе пароходов, и то все колесных!..[1]

Но перед Европою, благодаря турецкой лжи, это блистательное для русского флота дело было выставлено в таком виде, что турецкие пароходы, победоносно выгрузив на кавказском берегу оружие и боевые припасы для горцев, встретили всю эскадру Нахимова и со славою отбились от нее!

Между тем нахимовская эскадра, получив известие о появлении неприятельских судов по направлению к Синопу, сама

последовала туда же. Погода стояла бурная с последних чисел октября. 8 ноября буря превратилась в шторм. Однако эскадра не потеряла своего курса, благодаря, преимущественно, техническим познаниям заслужившего доверие Нахимова флагманского штурмана И. М. Некрасова. Адмирал нашелся вынужденным отправить в Севастополь, для исправлений, два корабля «Храбрый» и «Святослав». 11 ноября Нахимов, всего с тремя 84-пушечными кораблями («Императрица Мария», «Чесма» и «Ростислав»), подошел на две мили к Синопской бухте.

В ней стояла на якоре турецкая эскадра в составе семи фрегатов, трех корветов и двух пароходов под прикрытием береговых батарей. Это была именно та эскадра, которой удалось ускользнуть в море от Корнилова, от Новосильского и от самого Нахимова, но из коей 4 фрегата два дня сряду гнались за русским фрегатом «Кагул»…

Для атаки этой эскадры, стоявшей под защитой береговых батарей, Нахимов решился дождаться возвращения двух кораблей, отправленных им в Севастополь. Броситься на неприятельскую эскадру с тремя кораблями было бы, конечно, безрассудством. В ожидании возвращения своих судов Нахимов вознамерился блокировать турецкую эскадру. Для ускорения же их возвращения был отправлен в Севастополь бриг «Эней». На случай выхода турецкой эскадры из бухты адмирал, невзирая на огромное материальное превосходство неприятеля, твердо решился силою преградить ему дорогу. Турки не двигались. По свидетельству г. Базанкура, уже 15 (27) ноября они ясно разглядели эскадру Нахимова. «Несмотря на то, — пишет французский историограф, — турецкая эскадра и не подумала воспользоваться темными и длинными ноябрьскими ночами, чтобы выйти и оставить эту опасную гавань». Неужели в самом деле она об этом и не подумала? И какая ей надобность была украдкой уходить из Синопа, когда, при несомненном превосходстве материальных сил, ей открывалась возможность не только пробить себе путь, но и нанести русским значительный удар, если не совершенное поражение?..

Отвечать на эти вопросы трудно. Погода стояла постоянно бурная, дождливая; турки известны своим отвращением пускаться в море по такой погоде. Между тем до самого Батума, к востоку, и до Босфора, на запад, турецкой эскадре не представлялось лучшего убежища, как Синопская бухта. Ее образует дугою загнутый прямо к югу и простирающийся от юго-запада к северо-востоку полуостров Бостепе-Бурун. Благодаря такому положению мыса Синопская бухта прямо обращена к югу и совершенно защищена от порывистых северных ветров в Черном море… К

тому же турецкий адмирал имел полное основание полагаться на свою позицию, на защиту шести береговых батарей; под прикрытием их открытый бой с наступающими русскими парусными судами не без основания мог казаться ему самою выгодною для него альтернативою. В самом деле: в морском бою — в то время, когда еще не было броненосцев и когда корабли были все деревянные, береговые батареи, в руках искусного адмирала, могли иметь на бой решающее влияние, даже при сравнительно незначительном числе орудий: действуя за земляными защитами калеными ядрами, они могли заменять брандеры, не подвергаясь большой опасности. В 1848 году шлезвиг-голштинская береговая батарея, всего из 4 орудий, взорвала датский линейный корабль и принудила датский фрегат спустить флаг. Сам бессмертный Нельсон, в конце прошлого столетия, бесплодно целый день на линейном корабле обменивавшийся выстрелами с двумя орудиями, оборонявшими на берегу Корсики полуразрушенную средневековую башню, принужден был отступить со значительными потерями.

Итак, положение турецкого адмирала было бы далеко не отчаянно, если бы он сумел извлечь из своего месторасположения и из прикрывавших его батарей ту выгоду, какую они могли и должны были бы доставить в бою с наступающим флотом, особенно с парусным. Карта показывает, что турецкая эскадра могла бы оказать наибольшее сопротивление, если бы ее расположили не вдоль города, а южнее, по мелководью. Были и другие средства, которыми турецкий адмирал мог бы обеспечить себе успех. «При средствах арсенала и обыкновенной деятельности, говорит г. Шестаков, — турецкий адмирал мог снять с недействующих своих бортов орудия и уставить ими городской берег. Тогда корабли наши, откуда бы ни подошли, подвергались бы страшным продольным выстрелам и сила турецкого огня удвоилась бы. От востока их встретил бы в нос огонь целой эскадры, от юга залп береговых батарей; а по занятии мест для действий против турецких судов наши суда, во все время боя, находились бы между двух огней. Не дозволяя себе презирать противника, Нахимов, без сомнения, полагал, что турецкий адмирал поступит так, как он постудил бы на его месте…»

Ничего особенно «опасного», следовательно, не было бы для турок в Санонской гавани, если бы они, решившись остаться в ней, своевременно приняли меры, предписываемые и здравым смыслом, и военною наукою. Опасно было одно их невежество, их незнание дела. А при этих условиях море «опасно» всегда, даже и без неприятеля. Турецкий адмирал, как кажется, совершенно потерял присутствие духа при виде блокировавшей его эскадры,

хотя у нее было всего 252 орудия, а у него, на одних судах, было их 460…

Выдерживая постоянные бури с дождем и снегом, Нахимов продолжал блокаду, с нетерпением ожидая возвращения своих двух кораблей. Наконец 16 ноября на горизонте показались суда, — но, вместо ожидаемых двух кораблей, на помощь поспевала целая эскадра Новосильского в составе трех 120-пушечнык кораблей: «Париж», «Великий князь Константин» и «Три Святителя» и двух фрегатов «Кагул» и «Кулевчи».

С прибытием Новосильского изменилась столь благоприятная туркам пропорция между силами обеих эскадр. В ужасе Осман-паша телеграфировал в Константинополь, что пред Синопом беспрестанно крейсируют «6 линейных кораблей, один бриг и два парохода (?)»; сверх того, между Синопом и Босфором, по его словам, тоже крейсировали от шести до восьми русских фрегатов и два парохода — что было положительно ложно. Пропустив время, удобное для выхода в море, Осман-паша только и думал о вытребовании помощи и не заметил, что сам располагал еще огромными средствами для успешного отражения неприятеля…

Известие о давно ожидаемом открытии турецкой эскадры, назначенной для действий по кавказскому берегу, было привезено в Севастополь 12 ноября двумя кораблями Нахимова, отправленными для исправления. В тот же день эскадра Новосильского снялась с якоря и отправилась в Синоп. Словно ирониею рока Корнилов — так неустанно гонявшийся среди бушующих штормов за турецкими судами по всему Черному морю и первый открывший их появление — именно в то время был в Николаеве. Он вернулся только 17 ноября а в тот же день, на пароходе «Одесса», в сопровождении пароходов «Крым» и «Херсон», полетел да всех парах к Синопу…

Синоп

«Битва славная, выше Чесмы и Наварива! Ура, Нахимов!»

(Из письма Корнилова от 22 ноября 1853 года)

От командиров до последнего матроса эскадра Нахимова с восторгом приветствовала прибытие товарищей под флагом Новосильского, как верное знамение давно ожидаемого боя. И она не ошиблась. Адмирал едва одерживал желание атаковать скорее врага, очевидно, доверявшего более силе своей позиции, чем своему численному превосходству…

Русский адмирал не сомневался в блистательном успехе… К тому же он судил о своем флоте по себе: он знал, как безгранично предана ему вся эскадра; ов имел твердую уверенность, что она разделяет его геройскую отвагу, его преданность отечеству и долгу; что же касается ее технического знания своего дела, то в завершавшемся тогда опасном крейсерстве эскадры, при неистовых осенних бурях вдоль сурового Кавказского берега, адмирал находил в этом отношении достаточно несомненных залогов. По справедливому замечанию контр-адмирала Асланбегова, высказанному в составленной нм биографии Нахимова, «он вполне сознавал свое сильное влияние и слепую преданность к нему его сослуживцев, от адмирала до матроса, и, особенно искусно и прозорливо пользуясь ими, вел их к благотворной цели». Он называл матросов своими «детками». Он не только любил их как отец, во и уважал их как человек, вполне оценивший их достоинства. «С юных лет был я постоянно свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию, мы сдружились давно; я горжусь вами с детства», — говорил он им в приказе по случаю производства его в адмиралы. Никто лучше Нахимова не умел говорить с матросами: его простая, но обдуманная и исходившая от сердца речь не только всегда была им понятна, но и неизменно производила подобающее действие. Никто лучше Нахимова не изучил трудной науки обращения с подчиненными, умения согласовать справедливую строгость с заботливостью и кротостью. «Нельзя принять поголовно, — говорил он, — одинаковую манеру со всеми. Подобное однообразие в действиях начальника показывает, что у него нет ничего общего с подчиненными и что он совершенно не понимает своих соотечественников. А это очень

важно… Вся беда наша в том, что многие молодые люди получают вредное направление от образования, понимаемого в ложном смысле. Это для нашей службы чистая гибель! Конечно, прекрасно говорить на иностранных языках, я против этого нисколько не возражаю и сам охотно занимался ими в свое время, да зачем же прельщаться до такой степени всем чужим, чтобы своим пренебрегать?! Некоторые так увлекаются ложным образованием, что никогда не читают русских журналов, и хвастают этим, я это наверное знаю. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкают от всего русского, что глубоко презирают сближение со своими соотечественниками-простолюдинами. А вы думаете, что матрос не замечает этого? Замечает лучше, чем наш брат. Мы говорить умеем лучше, чем замечать, а последнее уж их дело; а каково пойдет служба, когда все подчиненные будут наверное знать, что начальники их не любят? Вот настоящая причина, что на многих судах ничего не выходит и что некоторые молодые начальники одним только страхом хотят действовать. Страх подчас хорошее дело; да согласитесь, что не натуральная вещь несколько лет работать напропалую, ради одного страха. Необходимо поощрение сочувствием; нужна любовь к своему делу, тогда с нашим лихим народом можно такие дела делать, что просто чудо. Удивляют меня многие молодые офицеры: от русских отстали, к французам не пристали, на англичан также не похожи…»

После 34 шестимесячных кампаний, бывший вахтенный лейтенант на «Азове», Наваринский георгиевский кавалер, Павел Степанович знал, что как прочность здания зависит от фундамента, так и сила флота зиждется на матросе: всякая духовная рознь между матросом и офицером тяжело отзывается на стройном многосложном целом. «Пора нам перестать считать себя помещиками, — замечал он по этому поводу, — а матросов крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Матрос управляет парусами, он же наводит орудия на неприятеля; матрос бросится на абордаж, если понадобится; все сделает матрос, ежели мы, начальники, не будем эгоистами, ежели мы не будем смотреть на службу как на средство удовлетворения своего честолюбия, а на подчиненных как на ступени собственного возвышения. Вот кого нам нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, геройство, ежели мы не себялюбцы, а действительные слуги отечества. Вы помните Трафальгарское сражение? Какой там был маневр? Вздор! Весь маневр Нельсона состоял в том, что он знал слабость неприятеля и свою собственную силу и не терял времени, вступая в бой.

Слава Нельсона заключается в том, что он постиг дух народной гордости своих подчиненных и одним простым сигналом возбудил запальчивый энтузиазм в простолюдинах, которые были воспитаны им и его предшественниками».

И действительно, многолетняя служебная деятельность Нахимова и его славных предшественников была направлена к тому, чтобы воспитать к той же цели — но, конечно, согласно не с английским, а русским народным духом — вверенных ему «простолюдинов». У Нахимова все это мудрое воззрение на службу было унаследовано от его предшественников, бессмертного героя Наварина, Лазарева, и незабвенного устроителя Черноморского флота, Грейга. Понятно, что под непрерывным влиянием такого воспитания заранее обеспечивалось осуществление высокой цели. Нахимов был в этом уверен. И события блестящим образом оправдали уверенность адмирала-философа.

До какой степени, даже в мирное время, Павел Степанович не терял из вида, хотя бы с опасностью для жизни, необходимость подготовлять моряков к боям это доказывается приведенным ниже, в биографии Нахимова, доселе неизвестным обществу характерным фактом.[2]

«Чтобы оценить должным образом заслуги наших моряков и судить безошибочно о их действиях, — говорит г. Шестаков, — нужно вспомнить, что в первый период войны все делалось, так сказать, под дулами союзников Порты… и что сама Порта действовала с целью разжалобить всю Европу ролью угнетённой слабости. Человек военный, в особенности моряк, придаст этим исключительным обстоятельствам должную важность. Все, делающееся на море, требует быстроты и решительности. Составив заблаговременно план, не должно колебаться в исполнении его. Одна только, неодолимая сила, то враждебной, то союзной, уже побуждает моряка ко всегдашней умственной деятельности. Дивное целое, составленное из мелочей — корабль грозен только тогда, когда все мелочи эти в совершенстве. Исправность каждой из них ведет к более решительному и быстрому успеху; напротив, неисправное их состояние приводит к позору и гибели[3]. Значит, в немногие свободные минуты, когда план действия уже решен, нужно не только обдумать меры на случай прихотей атмосферы, но и обеспечить успех совершенством средств разнообразных, бесчисленных; должно принять все в расчет, взять во внимание самые мелкие подробности, пройти корабль в уме от киля до клотика. Спокойствие нравственное, даже при совершенном знании дела, здесь необходимо».

До какой степени Нахимов проникся необходимостью соблюдения этих аксиом боевого морского дела, до какой степени он руководился ими — об этом можно иметь ясное понятие из сделанных им, на другой же день по прибытии эскадры Новосильского, приготовленных к бою распоряжений. Для словесного объяснения предначертаний адмирала 17 ноября были приглашены на флагманский корабль Новосильский и все командиры судов. Вскоре затем появился знаменитый нахимовский приказ[4]:

«Располагая при первом удобном случае атаковать неприятеля, стоящего в Синопе в числе 7 фрегатов, 2 корветов, одного шлюпа, двух пароходов и двух транспортов, я составил диспозицию для атаки их и прошу командиров стать по оной на якорь и иметь в виду следующее[5]:

1. При входе на рейд бросать лоты, ибо может случиться, что неприятель перейдет на мелководие, и тогда стать на возможно близком от него расстоянии, но на глубине не менее 10 сажень.

2. Иметь шпринг на оба якоря; если при нападении но неприятеля будет ветер N самый благоприятный, тогда вытравить цепи 60 сажень, иметь столько же и шпрингу, предварительно заложенного на битенге; идя на фордевинде при ветре O или ONO, во избежание бросания якоря с кормы, становиться также на шпринг, имея его до 30 сажень, в когда цепь, вытравленная до 60 сажень, дернет, то вытравить еще 10 сажень; в этом случае цепь ослабеет, а корабли будут стоять кормою на ветер, на кабельтове; вообще со шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недействительными от малейшего невнимания и промедления времени[6].

3. Перед входом в Синопский залив, если позволит погода, для сбережения гребных судов на рострах, я сделаю сигнал спустить их у борта на противолежащей стороне неприятеля, имея на одном из них, на всякий случай, кабельтов и верп[7].

4. При атаке иметь осторожность, не палить даром по тем из судов, кои спустят флаги; посылать же для овладения ими не иначе как по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для поражения противящихся судов или батарей, которые, без сомнения, не перестанут палить, если бы с неприятельскими судами дело и было кончено.

5. Ныне же осмотреть заклепки у цепей; на случай надобности расклепать их[8].

6. Открыть огонь по неприятелю по второму адмиральскому выстрелу, если перед тем со стороны неприятеля не будет никакого сопротивления нашему на него наступлению; в противном случае, палить как кому возможно, соображаясь с

расстоянием до неприятельских судов.

7. Став на якорь и уладив шпринг (т. е. повернув им корабль бортом к неприятелю), первые выстрелы должны быть прицельные; при этом хорошо заметить положение пушечного клина на подушке мелом, для того, что после, в дыму, не будет видно неприятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь. Само собой разумеется, что он должен быть направлен по тому же положению орудия, как и при первых выстрелах.

8. Атакуя неприятеля на якоре, хорошо иметь, как и под парусами, одного офицера на грот-марсе или салинге, для наблюдения, при батальном огне, за направлением своих выстрелов, а буде они не достигают своей цели, офицер сообщает о том на шканцы, для направления шпринга[9].

9. Фрегатам „Кагул“ и „Кулевчи“ во время действия оставаться под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами, которые, без сомнения, вступят под пары и будут вредить нашим судам по выбору своему.

10. Завязав дело с неприятельскими судами, стараться, по возможности, не вредить консульским домам, на которых будут подняты консульские их флаги.

В заключение выскажу свою мысль, что все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг. Государь Император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать ожидания».

Итак, в этом приказе действительно все было предвидено и были взяты во внимание самые мелкие подробности с тем глубоким знанием боевого морского дела, в котором сказывалась многолетняя опытность Павла Степановича.

Но едва ли не всего характернее опытность эта выражается в мудром заключении образцового приказа. Многочисленность предварительных наставлений может лишь затруднить в бою командира, знающего свое дело, — гласит это распоряжение. Успех морских битв приготовляется заблаговременно и зависит от начальника только до первого выстрела; с открытием же боя обстановка меняется. Не только дым иногда не допускает возможности видеть сигналы, но действием неприятельского огня, как было при Синопе, адмиральский корабль бывает лишен возможности делать сигналы; с другой стороны, перемена ветра, внезапные шторм или штиль могут вдруг изменить все первоначальные соображения. Понятно, с какою признательностью, с каким глубоким почтением к мудрости

своего адмирала эскадра встретила распоряжение, представлявшее каждому командиру «действовать совершенно независимо по своему усмотрению», полагаясь единственно на сто преданность долгу и на знание дела.

Все эти общие распоряжения были сделаны 17 (29) ноября. Не только час, но и самый день атаки не были назначены приказом. Но если Нахимов судил по себе о своей эскадре, то и эскадра судила о своем адмирале по-своему: она веровала, что только шторм может побудить Нахимова отложить давно желанную битву. Немедленно по получении приказа каждый радостно… стал готовиться к сражению.

Что же происходило в это время в турецкой эскадре и в бывшей столице понтийских царей, в злополучном Синопе? 17 (29) ноября была получена в Константинополе телеграмма Осман-паши. Он с ужасом извещал о замеченном им соединении в виду Синопа двух русских эскадр, молил о помощи и, в то же время, со свойственною его единоверцам беспечностью, ожидал, сложа руки, совершения кисмета (предопределения). Удивительно, что находившийся при нем англичанин След[10] (Муштавер-паша, командир 22-пушечного в 450 сил парохода «Таиф») не открыл Осману вовремя глаза насчет принятия мер для отпора неминуемой атаки…

Ночь была мрачная, бурная, дождливая. Уныло и медленно пробивалась 18 ноября бледная утренняя заря сквозь сплошные свинцовые тучи, покрывавшие все небо. Над эскадрою ревел порывистый ветер с частым холодным дождем… Для атаки русским судам надлежало направиться прямо к северо-западу; ветер был почти попутный, но для приложения шпринга он представлял неудобства, предвиденные Нахимовым; наконец, в случае победы, он оказывался, для завладения неприятельскими судами, самым неблагоприятным ветром, ибо разбитые суда могли быть им выброшены на берег, где командам представилась бы возможность бежать от плена, предав огню покинутые суда.

В 9 часов утра стало наконец совсем светло, и немедленно, согласно приказу адмирала, эскадра спустила гребные суда. В половине десятого на флагманском корабле (адмирала) был поднят сигнал: «Приготовиться к бою и идти на Синопский рейд». Отслужив молебен, эскадра, с развевающимися на брам-стеньгах национальными флагами, на всех парусах быстро понеслась прямо на неприятеля… На ходу, по сигналу, эскадра построилась в две колонны. Оба флагманских (адмиральских) корабля — вице-адмирала Нахимова 84-пушечный «Императрица Мария» (командир Барановский) и контр-адмирала Новосильского 120-пушечный корабль «Париж» (командир Истомин) — шли рядом,

каждый во главе своей колонны. Позади флагманского корабля, в правой колонне, шел 120-пушечный корабль «Великий князь Константин» (командир Ергомышев), а за ним 80-нушечный корабль «Чесма» (командир Микрюков); в левой колонне — 120-пушечный корабль «Три святителя» (командир Кутров), а за ним 80-пушечный корабль «Ростислав» (командир Кузнецов). Большая часть этих знаменитых синопцев, особенно Новосильский, Истомин, Перелешин, Ергомышев и другие, прославила свои имена и в геройской защите Севастополя…

Зная, что неприятельская эскадра стоит глубоко вогнутою дугою пред городом Синоном, адмирал предписал построение в две колонны с тем, чтобы правая, дойдя до неприятеля, стреляла правым бортом, а левая — левым. Но мудрое распоряжение главного начальника только указало на общие меры, предоставив вместе с тем каждому командиру действовать но своему усмотрению. Это распоряжение вполне оправдалось в течение боя…

Был двенадцатый час. Обе колонны, при порывистом попутном ветре, на всех парусах, неслись ко входу в Синопскую бухту. Вот поравнялись они с крайнею турецкою батареей № 1; на салингах стояли офицеры для наблюдения за действиями артиллерийского огня; впереди ясно обозначалась расположенная полумесяцем боевая линия турецкого флота; даже простым глазом насчитывалось в нем семь фрегатов и три корвета; левый фланг этой боевой линии опирался на батарею № 4, а правый — на батарею № 6; в центре боевой линии было оставлено значительное пустое пространство между стоящими с левого фланга ее шестым судном 22-пушечным корветом «Гюлли-Сефид» и седьмым — 56-пушечным фрегатом «Дамиад»; этим интервалом открывалась линия огня восьмиорудийной (большого калибра) батареи № 5, расположенной пред городом, на берегу, позади боевой линии эскадры. На стоящем у самого центра, пятом с левого фланга, 44-пушечном фрегате «Авни-Аллах» развевался вице-адмиральский флаг начальника эскадры Осман-паши; на девятом судне с левого фланга (втором с правого фланга) 64-пушечном фрегате «Низамиэ» поднят был контр-адмиральский флаг Гуссейн-паши; во второй линии, правее батареи № 5, стояли два военных парохода, а левее этой батареи — два транспорта; в глубине залива виднелись два купеческих брига.

Благодаря этой непостижимо нелепой диспозиции турецкого флота из шести батарей, прикрывавших Синопскую бухту, только четыре, всего с 32 орудиями, могли оказать эскадре действительную поддержку; батареи NN 1 и 2 должны были бездействовать.

Невзирая на пасмурную погоду и частый дождь, неприятель, с самого начала, заметил наступление русской эскадры. Он, видимо, готовился к бою; суда его устанавливали шпринги, а пароходы разводили пары…

На русских судах прислуга стояла у орудий; все взоры были устремлены на флагманский корабль в ожидании сигнала начать бой. И вот поднят сигнал: верный морскому обычаю в мирное время, адмирал преспокойно показывал… полдень!

Еще полчаса грозного молчания, еще полчаса стремительного наступления русской эскадры! Пробила половина первого…

На турецком адмиральском корабле сверкнула молния пушечного выстрела, Синопская бухта задрожала, застонала под неумолкающим перекатом грома орудий эскадры и батарей… Смело направляясь, сначала без выстрела, на центр турецкой боевой линии, русские суда не могли миновать убийственного перекрестного неприятельского огня; особенно опустошительны были продольные выстрелы батареи № 5 и турецких судов, расположенных в самом центре. Русские флагманские корабли, особенно же «Императрица Мария» под флагом Нахимова, были буквально осыпаны градом ядер, книпелей и картечи. По счастию нашему, вместо того, чтобы сосредоточивать продольный огонь на палубы, а боковой — на подводную часть русских судов, турецкая артиллерия — в надежде замедлить наступательное движение русских и в ожидании, что наши команды пойдут по мачтам убирать или закреплять паруса, — била преимущественно вверх, по мачтам и по всему такелажу. Но у наваринского героя П.С. Нахимова были свежи в памяти поучения прошедшего: ему был известен свойственный турецким морякам расчет, и потому судам был дан приказ взять на гитовы, то есть уменьшить давление ветра на паруса.

Русская эскадра бойко неслась вперед, на ходу осыпая своими огромными сплошными и разрывными снарядами мелькавшие мимо ее бортов неприятельские суда, пока «Императрица Мария» не бросила якоря против неприятельского флагманского фрегата и, поворотившись на шпринге, не стала громить своего противника батальным огнем 42 орудий своего правого борта, коего нижняя батарея была вооружена 68-фунтовыми бомбическими пушками. Как отчетливо исполняли свое дело наши моряки-артиллеристы — доказывается тем, что турецкий флагман, «Авни-Аллах», несмотря на поддержку батареи № 5 и стоявшего возле него, доставшегося в 1829 г. от нас туркам 44-пушечного фрегата «Рафаил»[11], названного турками «Фазли-Аллах» («Богом данный»), не выдержав и получасового огня своего врага, отклепал якорную цепь, дабы бегством укрыться от

выстрелов. Течением и ветром понесло его между боевыми линиями; проходя мимо второго русского флагмана, «Парижа», бежавший фрегат должен был выдержать его разрушительные продольные залпы, после чего, исстрелянный и усеянный трупами, он был выброшен к берегу, на мель, под самою батареей № 6…

Разбив и прогнав одного врага, «Императрица Мария» все еще оставалась под перекрестным огнем батареи № 5 и фрегата «Фазли-Аллаха». Между тем против фрегата «Дамиад» и корвета «Гюлли-Сефид» — боролся наш «Париж». Едва успел он проводить продольным залпом бежавший от «Императрицы Марии» турецкий адмиральский фрегат, как метким выстрелом, в час пять минут пополудни, он взорвал на воздух корвет «Гюлли-Сефид». Пока между «Парижем» в «Дамиадом», поддержанным вторым турецким флагманским фрегатом, 64-пушечным «Низамиэ», кипел отчаянный бой, «Императрица Мария» сосредоточила весь свой огонь на фрегат «Фазли-Аллах»; вскоре на последнем вспыхнул пожар и, следуя примеру своего флагмана, он также отклепал якорную цепь и бросился к берегу у самого города…

В разгаре боя Павел Степанович, с неразлучною с ним подзорною трубою в руке, следил за действиями эскадры тем же знатоком, с тем же хладнокровием опытного наставника, как на простом ученье. Восхищенный быстротою соображений, отчетливостью и правильностью маневров корабля «Париж»[12], успевшего в то время огнем своим отбросить к берегу фрегат «Дамиад» и стать бортом в «Низамиэ», — адмирал, словно на практическом плавании, зная, как высоко ценится его одобрение, приказал благодарить «Париж» сигналом. Сделать сигнал, однако, оказалось невозможным: неприятельские снаряды уже перервали сигнальные веревки…

Выброшенный к берегу, фрегат «Фазли-Аллах» вскоре был объят пламенем. Таким образом, исполнился приговор… произнесенный над этим фрегатом двадцать пять лет тому назад — «предать фрегат „Рафаил“ огню, как недостойный носить русский флаг, когда возвращен будет в ваши руки..».

Покончив с «Фазли-Аллахом», адмирал хотел спешить на помощь «Парижу», но тот и один успел справиться с третьим врагом: с перебитыми мачтами, турецкий фрегат «Низамиэ» тоже отклепал свою якорную цепь и выбросился к городу, где скоро и загорелся, по всей вероятности подожженный остатками команды, спасшейся на берег. Уничтожив все стоявшие против них суда, т. е. четыре фрегата и один корвет, с 230 орудиями, русские флагманские корабли, поворотившись параллельно батарее № 5, сосредоточили против нее все свои силы.

Вслед за головными судами обоих флагманов все корабли становились на якорь, продолжая пальбу и удерживаясь на шпринге. В правой колонне, против корабля «Великий князь Константин», стояли два 60-пушечных турецких фрегата, «Навек-Бахри» н «Незими-Зефер», и 24-пушечный корвет «Неджми-Фешан», а также батарея № 4. На корабле «Великий князь Константин», так же как и на флагмане «Императрица Мария», нижняя батарея была вооружена 68-фунтовыми бомбическими пушками. Видя «Константина» окруженным врагами, следовавший за ним корабль «Чесма», пренебрегая направленным против него учащенным огнем батареи № 3, также сосредоточил огонь свой против фрегата «Навек-Бахри». Спустя 20 минут по открытии огня метким выстрелом бомбической батареи корабля «Великий князь Константин» фрегат «Навек-Бахри» был взорван на воздух; грудами обломков и тел, выкинутыми этим взрывом на берег, была до такой степени завалена батарея № 4, что она временно была вынуждена прекратить свой огонь н даже впоследствии не была в состоянии возобновить его с прежнею силою.

Рассчитывая на высказывавшееся тогда во Франции и особенно в Англии завзятое туркофильство, турки, в надежде возбудить восторг к своему геройству н патриотизму, рассказали по поводу взрыва «Навек-Бахри» нелепую басню, которая многими была принята за истину. По словам г. Базанкура «Навек-Бахри» был взорван не русскою бомбою, а самим командиром его Али-беем и командою… Чем взрываться на воздух в начале боя и без всякого вреда неприятелю, не лучше ли было бы Али-бею доказать свое геройство, продолжая борьбу?

Между тем, покончив с одним врагом, «Великий князь Константин», повернувшись на шпринге, начал расстреливать оставшиеся пред ним фрегат и корвет. В час пополудни перебили ядром якорную цепь вражьего фрегата, и ветром его подсело на остатки мола против греческого предместья Синопа: вскоре затем и корвет выброшен был на берег к батарее № 5.

В то же время «Чесма», после взорвания «Навек-Бахри», заворотилась на пшринге к батареям. NN 4 н 3 н учащенным, метким огнем срыла их до основания.

С начала сражения, когда «Париж» разом завязал дело с корветом «Гюлли-Сефид» и фрегатами «Дамиад» и «Низамиэ», против последнего из этих судов направили было свои выстрелы н следовавшие за «Парижем» корабли: «Три святителя», отстреливавшийся в то же время и от 54-пушечного фрегата «Каиди-Зефер», и «Ростислав», выдержавший весь огонь 24-пущечного корвета «Феази-Меабуд» и батареи № 6. Одним из

первых неприятельских выстрелов был перебит у корабля «Три святителя» шпринг; оставшись на одном якоре, без шпринга, корабль, вращаясь кругом своего якоря, был отнесен ветром к северо-западу, кормою прямо к батарее № 6, поспешившей воспользоваться нашим положением, чтобы поражать корабль продольными выстрелами, сильно повредившими его такелажу и мачтам… Положение корабля «Три святителя» становилось чрезвычайно трудным; заметив это, «Ростислав», не обращая внимания на огонь турецких судов, сосредоточил действие всей своей артиллерии против батареи № 6, между тем как мичман Варницкий с барказом и полубарказом был отправлен с корабля «Три святителя», чтобы завести якорь (верп). Но едва Варницкий стал отваливать на полубарказе, как это судно было пробито ядром; отлетевшею при этом щепою мичман был ранен в руку; полубарказ же пошел ко дну. Варницкий, несмотря на рану, вместе со всею командою, успел перескочить в барказ, на котором он благополучно исполнил поручение, несмотря на сильнейший огонь неприятеля. Повернув снова кормой, корабль «Три святителя» скоро принудил фрегат «Каиди-Зефер» выброситься на берег; той же участи подвергся и корвет «Феизи-Меабуд», под действием огня неустрашимого «Ростислава», к четвертому часу дня также срывшего до основания и батарею № 6.

В продолжение боя с корветом и батареей на «Ростиславе» случилось несчастие, стоившее этому кораблю немало людей, но подавшее случай одному из его офицеров и части его команды отличиться замечательным хладнокровием. Неприятельская граната, ударив в одно из средних орудий «Ростислава», разорвала его, разбила палубу и зажгла кокор (пороховой ящик), причем было ранено и обожжено до 40 человек. Несмотря на это, пожар был немедленно потушен, но горящие части упали у входа в крют-камеру (пороховой погреб). «Ростиславу» грозила страшная опасность. От попавшей в крют-камеру одной искры мог взлететь на воздух наш корабль. Мичман Колокольцев[13], закрыв двери и все отверстия, с таким хладнокровием принялся тушить огонь, что скоро устранилась всякая опасность.

Во время боя оба турецких парохода, «Таиф» при 22 орудиях и 450 силах и «Эрекли» при 4 орудиях и 140 силах, не оказывали атакованной эскадре никакой помощи, тогда как, владея могучего силою пара, они легко могли: быстрым маневром стать за кормою или перед носом атакующих кораблей и поражать их продольными выстрелами; становясь между нашими кораблями и действуя одновременно обоими бортами, они могли разом поражать продольным огнем два наши корабля. Особенными преимуществами пользовался «Таиф», вооруженный, между

прочим, десятидюймовыми бомбическими орудиями. В самый критический момент, когда оба флагманских корабля русской эскадры боролись с несравненно сильнейшего неприятельскою артиллериею, пароход «Таиф» мог бы принести огромную пользу турецкой эскадре. Но об этом не подумали ни командир «Таифа», англичанин Слейд, ни командир «Эрекли». Вместо того чтобы руководиться аксиомою, что взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика в морском бою, оба парохода остались все время в бездействии за боевою линиею. В исходе первого часа, когда уже взлетел на воздух «Навек-Бахри», когда адмиральский фрегат «Авни-Аллах» едва держался против бомбических пушек «Императрицы Марии» и по всей боевой линии обнаруживалось несомненное материальное и техническое превосходство русского флота над турецким, — командир «Таифа», Слейд тогдашний Муштавер-паша, — ценя по достоинству пресловутое «геройство» турок, убедился, что для их эскадры пропала всякая надежда на спасение, и, не теряя времени, решился спастись из этого ада, пользуясь отличным ходом и образцовым вооружением парохода… За ним погнались было наши парусные фрегаты «Кагул» и «Кулевчи». Пароход беспрестанно менял свое направление, — ему достаточно было поворота рулем, для парусных же фрегатов всякий поворот требовал значительной работы парусами. «Таиф» то останавливал машину, то шел задним ходом, то опять передним и затем, вдруг, обменявшись с фрегатами несколькими залпами, пустился полным ходом вперед и быстро исчез из-под выстрелов. В половине второго часа из-за мыса показался пароходофрегат «Одесса» под флагом вице-адмирала Корнилова, за которым следовали пароход «Крым» и «Херсонес». В полдень, находясь против Синопского рейда, по северную сторону города, Корнилов, стоя на площадке парохода «Одесса», увидел через Синопский перешеек русский флаг на мачте «Императрицы Марии». Адмирал… приказал дать сигнал: «Держаться соединенно!» Вскоре услышали пальбу и увидели, как русские ядра, перелетевшие через перешеек, севернее его вспенивали море. Пароходы понеслись полным ходом, а тут показался и бежавший «Таиф». На «Одессе» немедленно был поднят сигнал следовавшим за ней пароходам «атаковать неприятеля, поставив его в два огня». «Таиф», ввиду грозившей опасности, снова переменил направление; «Одесса» поспешила пересечь ему путь и сблизилась с ним. К сожалению, наши пароходы были уже давно построены, и не для военной службы, а для почтового сообщения между Одессою и Константинополем. Ввиду наступления войны их наскоро приспособили к бою и вооружили тяжелыми орудиями, что, конечно, изменило их

качества, в особенности же повредило их ходкости. Само собою разумеется, что им нельзя было в этом виде соперничать быстротою с противником, построенным специально для боевой службы. Только пароход «Одесса», вооруженный двумя бомбическими и четырьмя 24-фунтовыми пушками, далеко оставив за собою своих спутников, под полными парами и парусами успел подойти на пушечный выстрел к «Таифу». На турецком пароходе были 2 бомбические 10-дюймовые пушки, четыре 36-фунтовых и шестнадцать 24-фунтовых пушек. Такое неравенство в силе и преимущество хода «Таифа» могли бы дорого стоить нашему пароходу: была даже минута, когда, вследствие повреждения, «Одесса» могла действовать только одним бомбическим орудием и почти не отвечала на огонь неприятеля. Единственное стрелявшее на «Одессе» орудие молодецки наводил храбрый лейтенант князь В. И. Барятинский. Ядро «Таифа» разбило на «Одессе» штурвал и убило рулевого… Все отскочили, но капитан-лейтенант Г. И. Бутаков, с обычным спокойствием, поставил штурманского кондуктора к рулю со словами: «Ваше место здесь; исправлять ваше дело». Несмотря на превосходство неприятельского огня, бесстрашный Корнилов старался подойти к неприятелю с целью взять его на абордаж, но «Таиф» стал удаляться и, при всех своих огромных преимуществах, не нанес пароходу «Одесса» другой потери, кроме одного убитого и одного раненого.

После безуспешной погони за пароходом «Таиф» фрегаты «Кулевчи» и «Кагул» возвратились к эскадре и действовали везде, где еще было оказываемо сопротивление. До четвертого часа вечера батареи №№ 5 и 6 продолжали беспокоить вашу эскадру калеными ядрами, не наносившими, впрочем, особенного вреда. «Париж» и «Ростислав» разрушили эти батареи. В это же время, убедившись в бесполезности преследования «Таифа», пароходы отряда Корнилова также присоединились к эскадре и приветствовали ее восторженными «ура». «Одесса» остановилась против флагманского корабля. Корнилов беспокойно спрашивал у всех: «Здоров ли адмирал?» Выехавший на катере навстречу Корнилову командир «Константина» Л. А. Ергомышев первый порадовал ответом: «Слава богу, Павел Стенатвич жив!»… Корнилов, увидев наконец Нахимова, бросился обнимать его со словами: «Поздравляю вас, Павел Степанович, с победою, которою вы оказали большую услугу России и прославили свое имя в Европе!»

Всю ночь пароходы были заняты отводом на буксире пылавших турецких судов из опасения, чтобы, с переменою ветра, их не нанесло на нашу эскадру.

(Приводим со слов очевидца один из эпизодов, относящихся к этому моменту боя. Корнилов, отправляясь навстречу Нахимову, командировал старшего офицера с «Одессы» лейтенанта (ныне контр-адмирала) Н. Н. Кузьмина-Короваева на турецкий фрегат и приказал приготовить судно к отбуксированию из опасения, чтобы оно не загорелось от летевших на него головешек с соседнего фрегата и, а свою очередь, не подожгло вблизи стоящего корабля «Три святителя». Взойдя на фрегат всего с десятью матросами, Короваев нашел на судне около 200 турок, человек 20 раненых и столько же убитых. Труп капитана лежал у дверей каюты. Беспорядок и паника невольно приковывали к себе внимание: турки сидели при своем багаже, разбросанном по батарейной палубе, порох был рассыпан по палубе, крют-камера была отворена, а турки между тем курили… Приказав прекратить курение, лейтенант немедленно распорядился, чтобы крют-камеру заперли и всю палубу смочили водою. Быстрое расклепывание якорной цепи оказалось невозможным, — до такой степени болты были заржавлены: очевидно, что их давно не выколачивали и не смазывали маслом. Пришлось разрубить одно из звеньев. Пока возились с цепью, пленные, не приказанию Короваева, перевозились небольшими эшелонами на нашем катере; раненых же турок, представлявших большое обременение нашим матросам, лейтенант решился отправить в Синоп. Приняв это дело на свою личную ответственность, Короваев приказал катеру прибуксировать турецкую баржу, стоявшую между фрегатом и берегом, а затем на баржу были положены все раненые и 20 здоровых пленных; туда же поместили запас сухарей… и весь багаж, принадлежавший этим людям. Вместе с пленными был посажен и турецкий доктор из армян. Отправляя людей, Короваев, через переводчика, объявил им, что здоровые, под начальством доктора, должны озаботиться помещением своих раненых товарищей в городской госпиталь. Восторгу турок не было предела…

С рассветом цепь разрубили, и когда фрегат был отбуксирован к берегу, лейтенант получил приказание зажечь судно… Исполнив распоряжение начальства, лейтенант возвратился на пароход. Ночью на фрегат приезжал от имени Корнилова Г. И. Бутаков за справками — почему задерживается дело. Затем приехал А. П. Жандр и, спустив флаг, отвез его Нахимову. Этот флаг турецкого фрегата в настоящее время находится в Морском корпусе.

В описываемое время в штабе Корнилова были: И. Г. Сколков, Г. И. Бутаков, В. И. Барятинский и А. П. Жандр).

…Брошенные на берег неприятельские суда были в самом

бедственном состоянии, и потому было приказано прекратить огонь. Из показаний пленных выяснилось, что только панический страх воздержал их спустить флаги, т. е. сдаться. На фрегате «Незими-Зефер» флаг был немедленно спущен, без сопротивления, по требованию проезжавшего мимо парламентера, посланного для объявления городскому начальству, что эскадра пришла для истребления военных судов, но не желает вредить городу. Транспорты и купеческие суда затонули от попавших в них снарядов; фрегаты «Фазли-Аллах», «Низамиэ» и «Каиди-Зефер», корвет «Неджи-Фешан» и пароход «Эрекли» — все были объяты пламенем; по-видимому, большая их часть была зажжена оставлявшими их командами. По мере того как огонь доходил до крют-камеры, суда взлетали на воздух. Взрыв фрегата «Фазли-Аллах» покрыл горящими обломками турецкую часть города. Это произвело сильный пожар, значительно увеличившийся от взрыва корвета «Неджи-Фешан». Пожар продолжался во все время пребывания нашей эскадры в Синопе. В городе некому было тушить его: все жители разбежались. По словам г. Базанкура, парламентер, не найдя никого, вручил встретившемуся ему австрийскому консулу прокламацию командира русской эскадры.

Насколько прав г. Базанкур в передаче этого факта — нам неизвестно: многие из участников боя ничего не знают о существовании прокламации. По словам очевидцев, достоверно лишь известие о посылке на берег мичмана Манто, умевшего объясняться по-гречески. По окончании сражения Манто послали парламентером с приказанием передать властям, что, если из города будет пущено хотя бы одно ядро, Синоп будет уничтожен бомбардированием. Навстречу разумному парламентеру попалось только несколько греков. Участники в бое нам передавали также, что приезжала греческая депутация просить адмирала — взять греков в Россию. Просьба мотивировалась тем соображением, что турки по уходе русской эскадры возвратятся из гор и перережут их, так как турецкий квартал сгорел, а греческий — уцелел от пожара. Адмирал счел себя вынужденным отклонить это ходатайство.

По свозе раненых и пленных фрегаты «Авни-Аллах» и «Незими-Зефер», а также корвет «Феизи-Меабуд», как оказавшиеся совершенно избитыми и негодными, были отбуксированы к берегу и сожжены.

Спасшиеся от нашего артиллерийского огня турецкие матросы бежали на берег, предоставив гибели своих офицеров и раненых товарищей. На утопавшем фрегате «Авни-Аллах» найден командир турецкой эскадры вице-адмирал Осман-паша… Когда

фрегат, на котором он сражался, стал тонуть, команда (как паша сам признавался) вышла из повиновения, самовольно бежала на берег, и несчастного Османа ограбила, отняв у него деньги, часы и платье. С перебитою ногою, по пояс в воде и держась руками за пушечный брюк (канат, прикрепляющий орудие к борту) паша погиб бы, если не был бы снят с погрузившегося фрегата нашею шлюпкою… Несчастному было 60 лет, из них 42 провел он на море, и уже более 10 лет в адмиральском чине. В числе других пленных находились еще два офицера, также оставленные своими командами: тяжело раненый командир фрегата «Фазли-Аллах» и капитан одного из затонувших корветов.

По сведениям неприятеля, турок погибло в этот день до 4000 человек. Прибывшие несколько дней спустя в Синоп англо-французские пароходы нашли в городе и его окрестностях 200 тяжело раненых турок.

С нашей стороны убиты: корпуса штурманов прапорщик Высота, нижних чинов 37, ранены: командир корабля «Императрица Мария» кап. 2 ранга Барановский, мичманы Зубов, Костырев и Варницкий; корпуса штурманов штабс-капитан Родионов, прапорщик Плонский, морской артиллерии поручик Антипенко и 233 нижних чина.

Эта сравнительно незначительная потеря победителя есть характеристическая черта всех решительных морских побед.

В сражении при Синопе турецкие начальники вполне выказали свою непредусмотрительность. Они заняли самую невыгодную для себя позицию и через это лишились поддержки двух из шести батарей, оборонявших Синопскую бухту; они обрекли бездействию и половину своих орудий; береговые батареи только под конец боя стали стрелять столь грозными для деревянных судов калеными ядрами; пароходы оставались в бездействии, когда и они могли оказать флоту значительные услуги; наконец, в продолжение всего боя ни одним из судов их не было выказано не только геройской решимости, но даже и той отчаянной стойкости, которая побуждает человека, ввиду безвыходной опасности, предпочесть постыдному бегству славную и дорогостоящую неприятелю смерть. Таким образом объясняется беспримерное истребление турецкой эскадры. Положение Осман-паши, не говоря уже о представлявшейся ему возможности либо пробиться, либо тайно прокрасться из Синопа, было далеко не отчаянное. Для того чтобы воспользоваться выгодами своего положения и приготовиться к славному отпору, ему необходимо было положиться на духовные и нравственные силы своих команд, насколько он был вправе оказать им такое доверие — это лучше всего доказывается позорным обращением с ним его

подчиненных…

Разбирая критически действия русской эскадры, даже и самый строгий судья должен будет отозваться о них с безусловным одобрением. В самом деле: в них выказываются на каждом шагу, во всех чинах эскадры — от героев-адмиралов до последнего матроса — неизменное хладнокровие, неторопливое, вместе с тем быстрое, отчетливое исполнение своих обязанностей и совершенство малейших подробностей самых многосложных маневров, которыми характеризуется идеальный тип моряка. Вице-адмирал Нахимов положился на второго флагмана своего достойного товарища контр-адмирала Новосильского, на командиров судов и предоставил им в бою полную свободу действия — мера, оказавшаяся тем более полезною, что во время боя сам адмирал, как это часто бывает, вдруг оказался лишенным возможности подавать сигналы. И все подчиненные вполне оправдали его доверие: не стесняясь никакими предварительными инструкциями, каждый из них избирал тот образ действия, который, по обстоятельствам, казался более полезным, и никто из них ни разу не ошибся в этом выборе, потому что все очевидно руководились аксиомою, что неотъемлемым условием успеха всякого морского боя служат: взаимная помощь и постоянное, внимательное наблюдение за действиями сражающихся товарищей. Соображение всех действий с этою аксиомою и составляет самую характерную черту русской эскадры во время Синопского боя…

Здесь будет уместно привести, со слов очевидца, рассказ о покойном Родионове (старший штурманский офицер на «Париже»), как один из многочисленных эпизодов, характеризующих поведение наших офицеров во время сражения. Мичман (ныне флигель-адъютант, капитан 1 ранга) Н.Г. Ребиндер, командуя верхнею батареею на «Париже», получил с юта приказание адмирала — сосредоточить орудия на бывшую под мечетью береговую неприятельскую батарею, сильно бившую корабль в корму. В это время трапы на ют были сняты. Не имея возможности видеть со шканец направления батарей за дымом от орудий нижних деков, Ребиндер просил Родионова, стоявшего на левой стороне юта, указать направление. В эту минуту неприятельское ядро попало в катер, висевший на боканцах, осыпало щепками Родионова. Обтирая одною рукою лицо от крови и щепок, Родионов протянул другую руку по линии к батарее, чтобы означить направление, — но в тот же момент ядро оторвало руку и бросило ее… Родионов зашатался и упал. После сражения Ребиндер, считая себя невольным виновником несчастия с героем-товарищем, поспешил навестить раненого и

нашел его по обыкновению веселым и любезным, невзирая на только что перенесенные две мучительные операции. Родионов все еще чувствовал оторванную руку: ему казалось, что он шевелит пальцами…

В числе несчастных жертв разрыва орудия на «Ростиславе» находился матрос Антон Майстренко, коему при разрыве были выжжены оба глаза. Во время продолжительного пребывания его в Севастопольском госпитале единственным его утешением были воспоминания подробностей той блестящей победы, за которую он поплатился своим зрением. Воодушевленный рассказ его живописно рисует картины Синопского пожара. «А Нахимов! Вот смелый, — с восторгом восклицал Майстренко, — ходит себе по юту, да как свистнет ядро, только рукой, значит, поворотит: туда тебе и дорога… И ходит он по верху и приказание такое дал: покуда не будет повеления, чтобы паруса не убирали, а на гитовы, значит, подняли. Такая у него думка была, как пошлет на марс — там человек восемьдесят на одну мачту идет, от того три реи и букшварок, на которых паруса убирать нужно, — да по вантам, так тут-то только и бить народ. Того, видно, и турок смотрел, оттого все картечью паруса дырявил; одначе плохо. Мы как шпрюйты (шпринги) завезли с кормы, а там кабельтов с носу и ошвартовались так, чтобы корабль никакого движения не имел, а стоял как бы батарея, а тут еще бог дал как барказы, то шпрюйты завозили, так ни одного не положили бы наших. А он сыплет… Боже мой!.. Сыплет, да и шабаш. Ну, одначе, смотрим — и у нас красный флаг на бом-брам-стеньге, значит, открыть огонь Черноморскому флоту. Тут уж как зачали жарить наши, такой калечи понаделали, что и не дай господи! Два фрегата наши, „Кагул“ и „Кулевчи“, все на часах ходили от косы до косы; а мы действовали: какому кораблю ихнему мачты посбивали, какой на бок положили, а другой и совсем взорвали — и шабаш. Выходит так, что один на одно спотыкается; часом запалишь фрегат или бриг, а тут еще ядрами начнем насаживать: смотрим — упадет на другой и тот запалит. Такой пожар сделался: беда! Огонь, дым, — чисто всю бухту как жаром хватило, а ветер все в город подносит, все в город подносит, и звук такой пошел, что некоторых матросов у пушки позаглушил…»

С истреблением неприятеля еще не была кончена задача русской эскадры. Нахимов основательно предвидел, что известие о Синопском погроме вызовет со стороны союзников Порты какое-нибудь решительное действие: наступление их флотов в Черное море, а может быть, и объявление войны. На этот случай необходимо было озаботиться немедленным возвращением эскадры в Севастополь, чтобы сосредоточить все средства для

ведения оборонительной войны против двух могущественных морских держав. В Черном море в то время продолжал неистово свирепствовать порывистый восточный ветер; под могучим дуновением его ходил огромный, разрушительный вал, а состояние эскадры было такое, что, без значительных исправлений, многие суда не могли выдерживать волнения, а другие были лишены такелажа. На корабле «Императрица Мария», например, было 60 пробоин, из коих многие в подводной части; на корабле «Три святителя» было 48 пробоин и повреждены все мачты; на корабле «Ростислав» было убито и ранено 104 человека…

Исполнить вовремя последнюю задачу — привести победоносную русскую эскадру в Севастополь до прибытия в Синоп союзного флота — едва ли было не труднее, чем истребить турецкую эскадру; возможно же было это исполнение только при самой напряженной деятельности всех чинов. Еще не умолкли последние выстрелы страшной кровавой драмы, как — при необъятном зареве пожара в городе и на затопающих неприятельских судах, при потрясающих, оглушительных взрывах — все без исключения чины русской эскадры принялись за исправление повреждений. Несмотря на физическую и духовную усталость, работы неустанно продолжались всю ночь. Утром 19 ноября на короткое время приостановлена эта лихорадочная деятельность: отслужили благодарственный молебен, заупокойную обедню, похоронили убитых — и немедленно затем сноса принялись за работу.

Ровно 36 часов по окончании боя, утром 20 ноября эскадра… уже была готова опять пуститься в бурное море. Корабли начали сниматься с якоря: более всех пострадавший корабль «Императрица Мария» предоставлено было буксировать пароходу «Крым» под флагом контр-адмирала Панфилова, при конвое фрегатов «Кулевчи» и «Кагул», прямо в Севастополь. «Великий князь Константин», на который Нахимов перенес свой флаг после сражения, вышел на буксире парохода «Одесса». Корабль «Три святителя», в не менее бедственном виде, шел на буксире парохода «Херсонес», а «Ростислав» — парохода «Громоносец», только 19 ноября прибывшего из Севастополя. Корабли «Париж» и «Чесма», менее поврежденные, следовали без помощи пароходов. За Синопским мысом эскадра встретила сильную зыбь, так что пароходы принуждены были отказаться от буксира. Ночью ветер усилился, и суда отправились под парусами к Севастополю.

22-го утром ветер стих; пароходам ведено было опять взять корабли на буксир. После полудня три корабля благополучно вошли в Севастополь, а к ночи прибыли и остальные…

notes

Примечания

1

Всего на Черном море было у нас в 1853 г. 30 различных пароходов, а именно: собственно военных (колесных) — четыре; транспортных — десять; пакетботных (почтовых) — десять Новороссийского и шесть Кавказского ведомств. Черноморский же флот непосредственно имел в своем составе только шесть пароходов и десять паровых транспортов.

2

В 1836 году Павел Степанович получил командование над построенным под его же надзором кораблем «Силистрия», на котором, крейсируя по Черному морю, он успел уже заслужить во всем русском флоте блестящую славу образцового моряка и «отца» своих матросов… Однажды корабль «Силистрия», под командою Павла Степановича, находился в эскадре, в крейсерстве для практического плавания, как вдруг, при производстве эволюций, шедший контрагалсом и весьма близко от «Силистрии» корабль «Адрианополь» сделал такой неудачный маневр, что столкновение было неминуемо. Павел Степанович был наверху, видел это, но избежать катастрофы было невозможно. Он только скомандовал: «С крюселя долой» — и людей, стремглав спустившихся вниз, а также всех бывших поблизости, отослал на шкафут за грот-мачту. Павел Степанович остался на юте один. Старший офицер упрашивал его сойти, до он не обратил на это внимания. Трудно представить себе момент более страшный, как тот, когда корабль полным ходом, всею своею массою готовится раздавить другой корабль. С замиранием сердца, притаив дыхание, ожидала команда «Силистрии» этого момента, глядя на своего командира, бесстрашно стоявшего на юте… И вот «Адрианополь» врезался… осыпав осколками Павла Степановича, но, по счастливой случайности, ничем его не ушибло… Когда за вечерним чаем старший офицер спросил Павла Степановича, для чего он не хотел сойти с юта и безо всякой надобности подвергался явной опасности, тот ответил: «Такие случаи представляются редко, и командир должен ими пользоваться; надо, чтобы команда видела присутствие духа в своем начальнике. Быть может, мне придется с нею идти в сражение, и тогда это отзовется и принесет несомненную пользу». Именно в этом таятся нравственные задатки успеха Синопского сражения… В момент этого столкновения автор был гардемарином на вахте фрегата «Месемврия». (Примечание автора)

3

Против этого замечания почтенного автора можно возразить, что североамериканцы на неисправных, почти негодных судах, переделанных из купеческих, достигали блестящих успехов, благодаря отваге моряков. (Примечание автора)

4

Мы передаем этот приказ с объяснением технических морских подробностей, чтобы сделать его общепонятным. Да но посетуют на нас специалисты, которым эти объяснения покажутся излишними. (Примечание автора)

5

Приказ П. С. Нахимова, разработанный им накануне Синопского сражения, уже публиковался в некоторых изданиях. Но составитель книги посчитал его уместность и в данном тексте, поскольку он служит ценным дополнением, объясняющим успех русских моряков в этом сражении. Кроме того, комментарий автора воспоминаний позволит читателю избежать определенных трудностей при встрече со специфическими морскими терминами. (Примечание автора)

6

На обоих якорях иметь приспособление (шпринг), состоящее из канатов (кабельтов), прикрепленных одним концом к якорю, а другим — к толстому брусу (битенгу), внутри кормовой части корабля, с целью, словно вожжами, поворачивать корабль бортом по тому направлению, перпендикулярно которому ему придется открыть огонь; если при нападении на неприятеля будет северный ветер, самый благоприятный, тогда выпустить якорной цепи 60 сажень, иметь столько же каната для поворота и задержания корабля (шпринга), предварительно заложенного на битенге; идя напротив совершенно попутным ветром, т. е. восточным или восточно-северовосточным, должно, во избежание бросания якоря с кормы, становиться также на то же приспособление к повороту, но так как тогда, бросив якорь с носа, корабль пройдет через него и якорь окажется уже позади его, то шпринга, или, точнее, каната, служащего для установления шпринга (кабельтова), пускаемого с кормы, будет довольно выпустить сначала до 30 сажень, а когда якорная цепь дернет — знак, что корабль, продолжая идти вперед, уже вытянул ее, — тогда выпустить еще 10 сажень цепи, в этом случае цепь ослабнет, а корабли будут стоять кормою на ветре, имея нос, удержанный якорною цепью, а корму, удержанную кабельтовым шпринга, причем ветер будет уже не сзади, а сбоку. Это-то положение и называется стоять на шприиге, а канат, прикрепляющий корму к якорю, называется кабельтов. Чтобы составить себе понятие о морском сражении, необходимо иметь в виду, что вся эта операция установления шпринга, требующего так много внимания и мелочного практического знания дела, есть переход из походного строя в боевой и должна совершаться всегда под сильнейшим огнем неприятеля, — огнем в то время большею частью продольным, так как наступление весьма часто совершается по линии перпендикулярной неприятельской линии огня. Между тем при малейшей непредусмотрительности или проволочке, как напоминает о том приказ, установление шпринга может быть неудачно. (Примечание автора)

7

Перед входом в Синопский залив, если позволит погода, для сбережения гребных судов, подверженных неприятельскому огню, пока они находятся над палубою между большою и переднею мачтами (т. е. на рострах), я сделаю сигнал, чтобы спустить их на противоположную неприятеля сторону корабля, имея на одном из них, па всякий случай (а в особенности на случай, если канат шпринга будет перебит неприятельским выстрелом, вследствие чего, держась на одном якоре, корабль откинет корму по направлению ветра), запасный перевозный якорь (верп) и другой такой же канат, как для шпринга (кабельтов), дабы закинуть этот якорь в сторону и, натягивая с кормы прикрепленный к нему канат, опять притянуть корму на то же место, где она стояла на шпринге. (Примечание автора)

8

Так как на каждой из 15 сажень якорной цепи есть одно звено не сплошное, а раздвижное, лишь с заклепанным винтом, то осмотреть эти заклепки; на случай надобности — т. е. если придется кораблю переменить место, то, чтобы иметь возможность скорее освободиться от якоря, не теряя времени на поднятие его, — расклепать эти заклепки. (Примечание автора)

9

Атакуя неприятеля на якоре или под парусами, хорошо иметь на первой площадке самой большой мачты (грот-марсе) или на второй (салинге) одного офицера, которому, сверху, несмотря на дым батального огня, возможно будет следить за направлением наших выстрелов, а буде они не достигают своей цели офицер сообщает о том на палубу, для исправления укорочением или удлинением шпринга общего направления линии огня, т. е. направления самого корабельного борта. (Примечание автора)

10

След уже давно служил в турецком флоте, в который он поступил сначала простым волонтером. Он участвовал в войне с Россией в 1828—1829 годах, был при сдаче «Рафаила» и при геройском деле Казарского на бриге «Меркурий». Как наставник и организатор, он оказал турецкому флоту большие услуги и пользовался полным доверием официальной Турции. (Примечание автора)

11

В 1853 году «Рафаил» был уже 24 года на службе у турок; он уже был не нов, даже когда достался им. Но турки, беспрестанными подновлениями, хотели увековечить этот доставшийся им без боя, по непостижимой оплошности командира, их единственный морской трофей во всех войнах с русскими. (Примечание автора)

12

Старшим офицером на «Париже» был П. А. Перелешин, один из героев Севастополя (ныне генерал-адъютант и вице-адмирал). (Примечание автора)

13

Н. А. Колокольцев в настоящее время занимает пост помощника капитана над Петербургским портом. (Примечание автора)